

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2010 г., № 3

© Д.М. Бондаренко. *Некоторые ключевые проблемы изучения охотников-собирателей в контексте общей теории эволюции архаических социумов*. Рец. на: О.Ю. Артёмова. *Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем)*. М.: Смысл, 2009. 560 с.

Первое, что обращает на себя внимание при ознакомлении с монографией О.Ю. Артёмовой, – необыкновенное богатство ее содержания. На основе большого массива этнографического материала по народам с присваивающим хозяйством Австралии, Африки и Азии и в широком историографическом контексте автор рассматривает практически весь спектр ключевых проблем “теории первобытности”: родства и рода, общины и племени, систем землепользования и общественного равенства, обычного права и роли войны... Более того, О.Ю. Артёмова исследует фундаментальные проблемы, которые имеют важное значение для развития общей теории эволюции архаических обществ и активно дебатированы в этнологии (социальной, или культурной антропологии) с момента ее возникновения как особой научной дисциплины, т.е. составляют один из центров ее предметной области.

И здесь следует отметить второе обстоятельство, безусловно, характеризующее труд О.Ю. Артёмовой как в высшей степени неординарный. Это необыкновенные интеллектуальная самостоятельность, оригинальность и смелость мышления автора в ситуации, когда едва ли не по каждому из рассматриваемых ею вопросов существуют десятки томов авторитетнейших специалистов, написанных, казалось бы, со всех мыслимых позиций. Не только историографический раздел, но вся монография О.Ю. Артёмовой имеет отчетливо выраженный полемический характер. При этом автор никогда не маскирует своих оппонентов за фразами типа “по мнению некоторых ученых”, но каждый раз бросает вызов конкретным исследователям, причем не только классикам, но и авторитетным современникам. Poleмику же О.Ю. Артёмова ведет “с открытым забралом” – не скрывая своих симпатий и антипатий, но аргументированно, как подлинно научную дискуссию. Впрочем, в отрицании чужих концепций совсем нетрудно, идя от противного, дойти до другой крайности, уподобившись грибоедовскому персонажу, который “все отрицал: законы, совесть, веру”. Насколько удалось (или не удалось) избежать этого О.Ю. Артёмовой, т.е. насколько перспективны (или не перспективны) подходы к кардинальным проблемам изучения обществ охотников, собирателей и рыболовов, предлагаемые ею? Мы остановимся лишь на некоторых – важнейших – теоретических аспектах монографии, но их рассмотрение должно оказаться вполне достаточно для вынесения общей оценки рецензируемой работе.

Нетривиальность авторского подхода проявляется уже в том, что она отказывает исследуемым ею обществам (входящим в число простейших из всех, известных этнографий!) в статусе первобытных. Подлинно первобытными, по мнению автора, были только социумы, существовавшие до эпохи “неолитической революции”, т.е. в периоды палеолита и мезолита. Этнографически первобытность, следовательно, никогда не была описана. С учетом же того, что, по мнению О.Ю. Артёмовой, наши возможности судить о первобытном обществе ограничены археологическими данными, тогда как в археологии палеолита и мезолита крайне редко приходится говорить о точно установленных аспектах социальной организации, получается, что мы практически не в состоянии составить достоверное представление об эпохе первобытности. За строгим “хронологизмом” подхода О.Ю. Артёмовой прежде всего стоит ее убежденность в невозможности реконструкции апологитических первобытных обществ по материалам социумов синполитических. Здесь (но не только здесь) проявляются не скрываемые автором неприятие сравнительно-исторического метода ранних эволюционистов (Дж.Ф. Мак-Леннана, Э.Б. Тайлора, Дж. Лаббока и др., чьи труды и породили саму данную проблему) и, напротив, позитивное отношение к методологическим установкам функционализма Б.К. Малиновского, а также “исторической школы” Ф.У. Боаса.

Дмитрий Михайлович Бондаренко – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН; e-mail: dbondar@hotmail.com

Нам видится сомнительным призыв О.Ю. Артёмовой не рассматривать изучаемые ею конкретные общества как первобытные. Ведь автор признает грань первобытности и непервобытности переход к производящей экономике, притом, что не приходится сомневаться: и люди времен палеолита и мезолита, и, допустим, аборигены Австралии XIX в. жили в условиях присваивающего хозяйства. Однако взгляд О.Ю. Артёмовой на изучаемые ею общества в данном случае – не с точки зрения их характера, а с позиций всемирно-исторического процесса. Фактически она ведет речь не о “первобытных обществах”, а об “обществах первобытной эпохи” – первобытности как “историческом периоде”, завершившемся с появлением первых социумов с производящей экономикой. Абстрагируясь от вопроса об обоснованности выбора возникновения земледелия и скотоводства как критерия перехода к постпервобытности (думается, что это “дело вкуса” – не случайно существует множество “периодизаций первобытной истории”), считаем все же необходимым отметить, что, по нашему мнению, имеет смысл учитывать масштабы рассматриваемых феноменов: завершение первобытности как всемирно-исторической эпохи означает то, что первобытные социумы в целом перестали определять общий характер исторического процесса, но вовсе не то, что с этого момента в мире не осталось конкретных первобытных обществ. Вне всякого сомнения, общества, рассматриваемые в монографии, “альтернативны” по отношению к тем, что перешли к производящему хозяйству и более сложным (вплоть до государственной) формам социально-политической организации. В анализе социумов охотников, собирателей и рыболовов XIX – начала XXI в. с таких позиций, по нашему убеждению, – одно из главнейших методологических достоинств труда О.Ю. Артёмовой. Но их альтернативность определяется (и проверяется) не простым фактом сосуществования с более сложными социумами, а конкретно-историческим путем, пройденным ими, – тем, что они так и остались охотниками, собирателями и рыболовами. Ведь, с другой стороны, и в “историческую” эпоху, вплоть до Нового времени фиксируются многочисленные случаи перехода обществ с присваивающей экономикой к производящему хозяйству и сложным формам социально-политической организации (например, в Тропической Африке). Т.е. вступив в “постпервобытную”, по О.Ю. Артёмовой, эпоху такими же охотниками-собирателями, как австралийцы или бушмены, эти социумы затем проявили свою “не альтернативность” (опять же, в понимании автора рецензируемой работы).

Представляется, что переход к производящему хозяйству есть одна из “исторических развилок”, перед которыми оказывались и человечество в целом, и отдельные общества. Другими такими “развилками”, в глобальном масштабе более поздними, являлись, в частности, переходы от простых обществ к сложным (Tainter 1990: 38; Lozny 2000), от негосударственной социально-политической организации к раннегосударственной (Бондаренко и др. 2006; Claessen 2002), от раннего государства к зрелому (Claessen et al. 1987: 4–38; Claessen 2005: 151–154). Характерно, что каждый раз на новый путь вступало все меньшее число обществ: история знает больше негосударственных социумов, чем раннегосударственных, а ранних государств сложилось больше, чем зрелых. Объяснение этому мы видим в том, что для вступления общества на новый путь требовалось то, что в повседневной жизни принято называть “стечением обстоятельств”, а в науке – “сочетанием факторов”, появление которых от интеллектуальных и волевых усилий людей, направленных на достижение неких общественных целей, как правило, не зависело (например, в случае имевших социальные последствия экологических изменений) или зависело несущественно. Реальное значение могли иметь действия, осознанно направленные на достижение личных целей, но имевшие общесоциальные последствия, которые люди были не в состоянии предвидеть или как минимум осмыслить в историческом или общественном масштабе (см.: Бондаренко 2004: 48–49; Bondarenko 2006: 116–117). Вряд ли, скажем, житель Чатал-Хююка думал, бросая в землю зерно, что он вносит вклад не только в обеспечение пропитания своей семьи, но и в переход всего общества к производящему хозяйству. Сужение же круга вступающих на новый путь на каждой следующей “исторической развилке” объясняется тем, что по мере усложнения обществ для их существования требуется также все более сложная и многокомпонентная, а следовательно, реже возникающая комбинация факторов (Э.Р. Сёрвис пытался выразить сходную мысль еще полвека назад, формулируя “закон эволюционного потенциала” – Service 1960).

Тем не менее еще раз подчеркнем, что подход к обществам охотников, собирателей и рыболовов с позиций альтернативности социально-политического процесса является несомненной заслугой автора и за исключением вопроса о пределах первобытности, не вызывает нареканий с точки зрения адекватности применения на всем протяжении работы. О.Ю. Артёмова справедливо отмечает на первых же страницах своего труда, что данный подход до сих пор

разрабатывался главным образом применительно к обществам с производящей экономикой. В отношении социумов охотников-собирателей в нашей стране на него до сих пор последовательно опиралась, пожалуй, лишь сама О.Ю. Артёмова с начала 1990-х годов (Артёмова 1991, 1992, 1993). В мировой же науке эта проблема была поставлена в 1980-е годы Дж. Вудбёрном (Woodburn 1980, 1982) применительно непосредственно к охотникам-собирателям и Н. Йоффи в 1990-е годы (Yoffee 1993) – в общетеоретическом плане (хотя и под иным, нежели в рецензируемой монографии, углом зрения).

О.Ю. Артёмова совместила в своем исследовании два этих пласта. При этом с Н. Йоффи ее роднит общее понимание первобытности как некоей изначальной “праформы”, непосредственно из которой параллельно, но не сменяя последовательно друг друга (как в схемах эволюционистов) вырастают все известные формы социально-политической организации, вплоть до государства. То есть каждый тип общества изначальное имеет свои механизмы формирования, не пересекающиеся с механизмами сложения социумов иных типов, и, в частности, социальные организмы тех типов, которые анализируются в рецензируемом труде, не являются “заготовками” для более сложных обществ, а самоценны и конечны в своем развитии именно в данном виде.

Развивая же идеи Дж. Вудбёрна об “эгалитарных” и “неэгалитарных” социумах охотников-собирателей, она подвергла критике его политэкономический по своей природе взгляд на “системы возврата” как предпосылку, определяющую характер общества охотников-собирателей. О.Ю. Артёмова показала, что причина кроется в иных аспектах жизнедеятельности таких социумов и прежде всего в том, как осуществляется циркулирование информации, причем не только практического, но и религиозно-мифологического свойства: является ли она общедоступной или доступ к ней сопряжен с различными гендерными, возрастными и т.п. ограничениями, допускающими возможность монополизации информации и санкционированного запуска дезинформации. На поддержание *status quo* того или иного рода были направлены и вскрытые ею социальные механизмы, соответственно, недопущения неравенства или его институализации. Таким образом, своим исследованием автор приближает нас к пониманию сущности архаических обществ, которая заключается в первую очередь отнюдь не в экономических, а в социокультурных принципах их бытия. Данные по некоторым другим “эгалитарным” и “неэгалитарным” обществам с присваивающей экономикой, не включенные в объяснительные схемы ни Дж. Вудбёрном, ни О.Ю. Артёмовой, например, по ительменам Камчатки (Крашенинников 1949; см. также: Крушанов 1990; Шнирельман 1993; Shnirelman 1994; Орлова 1999; Володин 2003) и нанайцам Приамурья (Лопатин 1922; см. также: Сем 1959; Смоляк 1970; Булгакова 2001, 2002; Березницкий 2003), убеждают нас в правоте именно О.Ю. Артёмовой (см.: Bondarenko 2006: 111). Ее подход в целом выглядит теоретически более реалистичным и гибким, поскольку она не рассматривает какой-либо фактор, включая и религиозно-идеологический, как единственную детерминанту форм общественной организации обществ охотников, собирателей и рыболовов, учитывая также факторы социально-экономические и политические. Согласно О.Ю. Артёмовой, в некоторых случаях определяющую роль может играть один (любой) из этих факторов, тогда как в других – их сочетание.

Исключительно важен вывод автора, согласно которому наличие формализованного неравенства в “неэгалитарных” социумах охотников-собирателей совершенно неверно рассматривать как признак их эволюционного превосходства над охотниками-собирателями с “эгалитарным” общественным строем. Следовательно, не только необходимо окончательно отбросить миф о “всеобщем равенстве” в обществах неспециализированных охотников, собирателей и рыболовов, но и признать, что степень иерархичности, социального неравенства не является верным критерием оценки уровня сложности и развитости общества любого типа, вопреки доминировавшим с середины XX в. однолинейным построениям неэволюционистов – Э.Р. Сёрвиса, М. Фрида, Р.Л. Карнейро и многих других (см., в частности: Bondarenko 2000; Bondarenko и др. 2006; Коротаев 2003: 45–91). Своим исследованием типологически наиболее ранних из известных этнографии культур О.Ю. Артёмова подтверждает данный факт, в последние годы продемонстрированный рядом исследователей более сложных обществ (как зарубежными учеными, прежде всего, К.Л. Крамли и ее последователями: Ehrenreich et al. 1995; Crumley 2001, 2005; etc., так и российскими – Ю.Е. Березкиным, Л.Е. Грининым, А.В. Коротаевым, Н.Н. Крадиным и другими: Крадин и др. 1995, 2000, 2002; Bondarenko и др. 2002; Гринин и др. 2006 и др.), и вносит существенный вклад в разработку теории неодлинейной социальной эволюции. Хотя сама О.Ю. Артёмова всячески избегает употребления понятий “уровни”, “ступени”,

“стадии” общественного развития, представляя охотников-собираателей как совершенно особый путь социальной эволюции, по нашему мнению, ее исследование по сути дела показывает, что альтернативность присуща самой природе общественного развития, проявляясь не только на средних и высоких, но и на типологически низших, самых ранних (из известных этнологической науке) уровнях социокультурной сложности.

Тем не менее О.Ю. Артёмова акцентирует внимание не только на различиях, но и на фундаментальных общих характеристиках охотничье-собираательских социумов. Так, важное место в ряду анализируемых ею проблем занимает вопрос о существовании у охотников-собираателей собственности на землю. И эта проблема имеет большое значение в контексте не только охотничье-собираательских, но и шире – архаических (включая земледельческие) обществ. Хотя автора в данном случае обоснованно более интересуют социальные аспекты проблемы, ее суть и принципиальная важность для понимания архаических социумов лучше проявляется в истории экономической антропологии – в длительном противостоянии формалистов, утверждающих единство экономических законов на всем протяжении человеческой истории, и субстантивистов, доказывающих особость экономических законов обществ разных социокультурных типов (см., напр.: *Бутинов* 1979). И в политэкономическом, и в социальном преломлении проблемы собственности на землю у охотников-собираателей О.Ю. Артёмовы выступает как последовательный сторонник субстантивизма. За этим, как и в вопросе об “эгалитарных” и “неэгалитарных” охотниках, собирателях и рыбаках, стоит ее общая методологическая установка, которая, по нашему мнению, только и может приблизить исследователя к пониманию сущности и принципов бытия изучаемых им культур. Эта установка – взгляд на охотников, собирателей и рыбаков с точки зрения их собственной “культурной логики”.

При таком взгляде автор совершенно обоснованно приходит к заключению, что понятие “собственности на землю” неприменимо к объектам ее исследования, поскольку никоим образом не может быть увязано с их общекультурным контекстом. В этом контексте, как убедительно показывает О.Ю. Артёмовы, человек выступает не как собственник, но как хранитель определенной территории и ее природных богатств, а модели землепользования отражают не отношения собственности, но организационно-нормативные системы, призванные регулировать распределение населения и использование ресурсов. В этом заключении находит отражение еще одна наихарактернейшая черта архаических социумов – неразрывность в них подсистем: экономической, социальной, политической, ментальной... Наконец, О.Ю. Артёмовы наглядно подтверждает свое заключение о том, что связь с территорией проживания и хозяйственной деятельностью осмыслялась охотниками-собираателями как неразрывная, родственная, а не отстраненно-политэкономическая. Подобное отношение к земле вело к утверждению в сознании людей принципа взаимной неотчуждаемости человека и его хозяйственной территории.

Как отмечалось выше, выводы О.Ю. Артёмовой по вопросу о поземельных отношениях имеют значение, выходящее далеко за пределы мира охотников-собираателей. Ведь такое отношение к земле в полной мере присуще и раннеземледельческим социумам, а во многом – и крестьянским общинам в условиях государственного строя (вспомним хотя бы олицетворение земли с матерью в русской народной культуре). В рецензируемой работе показаны истоки этого феномена. Те общества, которые (в отличие от изучаемых О.Ю. Артёмовой) пережили “неолитическую революцию”, сохранили осознание связи человека с землей как связи родственной. Более того, данное представление легло в основу их религиозных верований и идеологии (культы предков), социальной и политической организации (что проявилось в преимущественных правах первопоселенцев в хозяйственной сфере и их исключительном праве на руководство общинными коллективами). Сравнение материалов по ранним земледельцам с материалами, изложенными в монографии О.Ю. Артёмовой, дает возможность выявить и существенное различие между ранними земледельцами и охотниками-собираателями в этом вопросе. Если последние, как показывает автор, утверждая свою наследственную родственную связь с землей, не рассматривают землю как собственность кого бы то ни было, то ранние земледельцы, исходя из той же установки, уже имеют представление о собственности на землю. В условиях оформившегося культа предков коллективным собственником земли признается сонм предков ее нынешних обитателей (см., напр.: *Mair* 1965: 137–142; *Львова* 1984: 154–160; *Пирцио-Бурли* 2001: 103–109).

Анализ поземельных отношений О.Ю. Артёмовы проводит в связи со всесторонним рассмотрением феномена родства. На протяжении всей работы автор подтверждает постулат о том, что родство есть основа всей охотничье-собираательской социальности. В контексте фундаментального феномена родства в монографии исследуется и проблема форм социально-политиче-

ской организации, наиболее часто приписываемых народам с присваивающим хозяйством: рода, локальной группы, общины и племени. Соответствующие разделы являются в рецензируемой работе центральными – как формально-композиционно, так и по сути.

Моргановская концепция рода как основной и универсальной социальной единицы ранних обществ начала подвергаться критике практически с момента обретения ею известности в научных кругах – еще в 1880-е годы (начиная с “Первобытной семьи, ее возникновения и развития” К.Н. Штарке – см.: *Токарев* 1978: 96–112). На сегодняшний день в мировой науке, особенно после работ середины прошлого века Дж.П. Мёрдока (см. ниже), утверждение, что род (“однолинейная десцентная группа”) – не универсалия мировой социально-политической истории звучит как абсолютно тривиальное и даже банальное. В отечественной же науке следствием канонизации (причем не без одновременного искажения в некоторых его существенных частях) “учения о первобытности” К. Маркса и Ф. Энгельса, основанного непосредственно на идеях Л.Г. Моргана, еще сравнительно недавно понятия “родовой строй” и “первобытнообщинный строй” сосуществовали как полные синонимы. Критика этого положения началась только в 1960-е – начале 1970-х годов (*Бутинов* 1968; *Кабо* 1968; *Бахта и др.* 1972), но была заглушена привычным для советской науки бросанием идеологических обвинений и использованием “административного ресурса” для отстаивания догматической “истины” (*Кабо* 1995: гл. 9). К счастью, ныне и в российской этнологии, в том числе усилиями автора рецензируемой работы, утвердилось совершенно верное представление, что универсалией для ранних обществ является не род, а принцип родства, который в различных обществах находил разные институциональные формы выражения.

В последние годы некоторые российские этнологи, в частности А.В. Коротяев (1997: гл. 1) и В.А. Попов (2000), предприняли попытки пересмотра и признаков рода, и представлений о широте распространения этого феномена. Однако в критике концепции рода (не только классической, но и концепции как таковой!) никто из современных отечественных, да и зарубежных исследователей (по крайней мере из числа тех, чьи труды известны автору настоящей рецензии) не пошел столь далеко, как О.Ю. Артёмова. По ее мнению, понятие рода вообще не нужно этнологии, а отказ от него позволит наконец закрыть ведущиеся в связи с ним многолетние дискуссии, представляющиеся ей изначально неплодотворными.

При этом О.Ю. Артёмова аргументирует свою позицию именно тем, что “типологической универсалией” для бесписьменных социумов является принцип родства, а не институт рода; формы реализации этого принципа столь разнообразны, что не могут быть подведены под какое-либо общее понятие типа “рода”. Всецело разделяя такие взгляды автора (как и его призыв к разработке еще более дробной типологии институтов, основанных на принципе родства), мы не можем согласиться с пожеланием избавиться от понятия “рода” вообще. Да: род не универсален; да: в основе архаической социальности лежит не институт рода, а принцип родства в различных институциональных обличьях. Но почему среди этих обличий не может оказаться и такого, которое соответствовало бы признакам, обычно приписываемым роду и в своей совокупности не совпадающим с признаками какого-либо иного социального института: однолинейное кровное родство, прослеживаемое от легендарного предка, экзогамия, корпоративность (наиболее ярко проявляющаяся в сфере символов), локализованность?! В частности, под критерии рода безоговорочно, т.е. при максимально строгом отборе подпадают общества 85 народов из 250, рассмотренных Дж.П. Мёрдоком в “Социальной структуре” (подсчитано по табл. 61–71 в русском издании: *Мёрдок* 2003: 262–328).

Относительно охотников-собирателей вопрос о правомерности рассмотрения их социумов как общин или племен упирается в проблему своеобразия в них надсемейных уровней социальной сложности. О.Ю. Артёмова отлично понимает это и критику взгляда на охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ социумы как на общинные или племенные строит именно на доказательстве в целом не характерности для них прочной надсемейной организации. При этом в ее подходе к роду, с одной стороны, и общине и племени, с другой, есть существенная разница: если, как уже отмечалось, понятие рода отвергается О.Ю. Артёмовой в принципе, то в отношении общины и племени она фактически ведет речь лишь об ограниченности применимости соответствующих концепций к миру охотников-собирателей, признавая, что в нем (и в том числе в авторской выборке) встречаются социумы, которые могут быть атрибутированы как общинные или племенные. Но общины и племена представляются ей исключениями, а не наиболее широко распространенными формами социально-политической организации охотников-собирателей. Типичный же охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ социум, по мнению О.Ю. Артёмовой, – это локальная

(или резидентная) группа, ныне все чаще обозначаемая и в отечественной литературе словом “бэнд”.

И в отечественной, и особенно в зарубежной науке судьбы концепций общины и племени ныне оказались диаметрально противоположными. К середине XX в. на Западе и во второй его половине в нашей стране утвердился взгляд на общину как на почти универсальную для доиндустриального мира форму социально-политической организации (о предшествовавших этому дискуссиях, в частности, в британской и советской этнологии см.: *Бромлей* 1981: 181–185; *Никишенков* 1986: 133–139; 2008: 302–310; *Гиренко* 2000; *Решетов* 2000). Показательно то, что кроме общины, только нуклеарная семья рассматривается ныне как абсолютная социальная универсалия. Придание общине статуса универсальной категории произошло за счет племени, которое до того само считалось всеобщей формой организации первобытных обществ – реальной (т.е. в социально-политическом смысле) или хотя бы “виртуальной” с точки зрения самих людей соответствующих культур – якобы “объективно” объединявшей их в этносы. Характерно, что именно на “автономную локальную общину” предложили заменить племя в наиболее широко распространенной неозволюционистской схеме форм-стадий социальной эволюции: локальная группа (бэнд) – племя – вождество – государство Дж.Б. Таунсенд и Р.Л. Карнейро в середине 1980-х годов (*Townsend* 1985: 146; *Carneiro* 1987: 760). О.Ю. Артёмова, таким образом, “восстановила равенство” между общиной и племенем, лишив “высокого звания универсального” не только второй, но и первый из этих феноменов.

С племенем ситуация и в самом деле ясна: ни одно из определений, данных ему за последние десятилетия – от Э.Р. Сёрвиса (*Service* 1971: 103; 1978: 4–6), М.Д. Салинза (*Sahlins* 1968) и М.Х. Фрида (*Fried* 1975) до А.В. Коротаева (2000) и Н.Н. Крадина (2004: 159–163) – не способно придать ему всеобщий характер. При современном понимании племени оно оказывается слишком сложным и специфичным явлением, чтобы быть характерным для обществ всех типов и уровней развития даже в пределах мира социально-политической архаики. Не случайно в рецензируемой монографии разбор проблемы племени у охотников-собирателей занимает намного меньше места, чем анализ проблемы охотничье-собирательской общины.

Действительно, с общиной у народов с присваивающей экономикой дело обстоит гораздо сложнее. Многое здесь зависит от выбора определения общины и, в частности, от такой “тонкости”, как степень устойчивости надсемейных связей. Автор исходит из того, что в большинстве анализируемых ею культур надсемейные социальные объединения были неустойчивы, и на этом основании отказывается признать соответствующие социумы общинными. Однако если мы посмотрим на “модель” доземледельческой общины, конструируемую В.Р. Кабо (1986: 5), то увидим, что и им отмечается нестабильность (“подвижность”) надсемейных социальных образований у охотников-собирателей, но для В.Р. Кабо это не препятствие для определения их социумов как общинных, а специфический фактор существования в них общины (точнее – их как общин). Дж.П. Мёрдок и С.Ф. Уилсон в своем “общем” определении общины характеризовали ее как необходимую любому обществу “важную единицу социального взаимодействия за пределами семьи”, при этом они фактически признавали силу межсемейных (а также межличностных) связей не значимым критерием определения общины: согласно им, достаточно всего лишь, чтобы ее “члены взаимодействовали с некоторой регулярностью” (*Murdock et al.* 1972: 255; также см., напр.: *Ember et al.* 1999: 222; *Мёрдок* 2003: 107). О.Ю. Артёмова же за счет столь строгого отношения к вопросу об устойчивости надсемейных образований, по сути дела, стремится сузить границы применимости понятия “община”, поскольку ясно, что никакое общество не может существовать и даже рассматриваться в качестве такового, если в нем в полном смысле слова отсутствуют связи между мельчайшими единицами – семьями. В отношении общины чрезвычайная широта употребления этого понятия проявляется, когда речь идет, например, об “эмигрантской общине” или “религиозной общине”.

Однако представляется, что сузить границы применения понятия “община” имеет смысл не за счет придания решающего значения силе надсемейных связей, а подойдя к вопросу с точки зрения исторической – так, как автор попыталась сделать это с понятием “первобытность”. Примечательно, что сама О.Ю. Артёмова так и поступила в написанной ею совместно с А.В. Коротаевым статье “Община” для раздела “Общие понятия и термины” энциклопедии “Народы и религии мира” (*Артёмова и др.* 1998: 892). В ней община “в узком смысле” определяется как “самоуправляющаяся и самовоспроизводящаяся социальная ячейка надсемейного уровня, характеризующаяся личностными отношениями между входящими в нее людьми и типичная преимущественно для доиндустриальных обществ”. О специфике (силе) надсемейных связей в

этом определении речи нет, зато задан всемирно-исторический параметр – доиндустриальные общества. Такой подход представляется более плодотворным, поскольку открывает возможности для углубления типологии общины и дает больший простор для теоретизирования в связи с проблемой возникновения сложных форм социально-политической организации (племена, вождества, государства и др.) как организации надобщинной.

Таким образом, утверждая, что наиболее характерной формой организации охотников-собираателей была локальная группа, О.Ю. Артёмова не рассматривает последнюю как форму общины в противоположность тем ученым, которые считают общину институтом, универсальным для архаических социумов. В сущности, именно в этом и заключается один из пунктов расхождений между ней и сторонниками доминирующего в современной науке подхода. Ведь большинство из них также считает локальную группу (но как форму общины) наиболее характернейшим институтом, интегрирующим людей в мире охотников-собираателей. Понимание локальной группы (бэнда) О.Ю. Артёмовой как слабо интегрированной, изменчивой совокупности семей и индивидов, образующих социальную сеть, основанную на отношениях родства, также не идет в разрез с устоявшимся в науке взглядом на нее (*Winthrop* 1991: 23–26; *Testart* 2000: 136–137).

По нашему убеждению, существенный вклад О.Ю. Артёмовой в решение проблемы наиболее ранних (из зафиксированных этнографически) форм социально-политической организации заключается не в утверждении об отсутствии общины у многих охотников-собираателей, а в убедительном показе и теоретическом обосновании положения о том, что не только при одной и той же системе жизнеобеспечения (присваивающее хозяйство, как известно, присуще и так называемым высшим – специализированным охотникам, собирателям и рыболовам), но и при предельно низкой степени сложности общественно-политической организации – на уровне локальной группы могут существовать “неэгалитарные” социумы. Это действительно важный теоретический вклад исследователя, поскольку все известные сегодня определения локальной группы подчеркивают не только слабую интегрированность в ее рамках семей, но и неизменную эгалитарность данного образования. Так О.Ю. Артёмова действительно коренным образом меняет в перспективном направлении парадигму исследования локальной группы как социального института, заданную такими корифеями мировой этнологии, как А.Р. Рэдклифф-Браун, Дж.Х. Стюарт, Э.Р. Сёрвис, М.Х. Фрид. Есть все основания сделать вывод, связанный с тем отмеченным выше фактом, что степень иерархичности не является критерием уровня социокультурной сложности общества: сосуществование социумов одного уровня сложности, но принципиально по-разному организованных – с доминированием горизонтальных или вертикальных социальных связей – постоянный факт истории человечества с ее начала и даже с предшествующего времени: деление на так называемые деспотические и эгалитарные сообщества проводится и в отношении приматов, не входящих в вид *Homo Sapiens* (*Бутовская* 1994, 2002; *Matsumura* 1999), так что данная дихотомия, очевидно, уходит корнями в далекую предисторию человечества (подробно см. наши публикации: *Бондаренко* 2006; *Bondarenko* 2006, 2007 и др.).

В то же время в стремлении О.Ю. Артёмовой представить “эгалитарность” тех или иных социумов как результат осознанного выбора их членов, итог своего рода коллективного социального конструирования нам видится некий неоправданный “руссоистский романтизм”. Автор стремится создать картину общества, в котором люди предпочитают комфорт мирной духовно сбалансированной жизни преимуществам принципиально несовместимого с ней пути технологического развития в конкурентной социальной среде. Уже на начальном этапе анализа этих постулатов возникает как минимум два вопроса. Было ли утверждение “неэгалитарности” в тех обществах охотников-собираателей, где она процветала (в частности, у австралийских аборигенов), также результатом осознанного выбора; если да, то почему разные народы делали разный выбор, а если нет, то почему “неэгалитарные” охотники-собиратели оказались его лишены? О каком “пути технологического развития” тех же аборигенов Австралии, действительно живших в условиях “неэгалитарности” и частых внутри- и межсоциумных конфликтов, идет речь, если и по типу хозяйства, включая хозяйственные орудия, и по общему уровню социокультурной сложности они вполне сопоставимы с “мирными” охотниками, собирателями и рыболовами Африки и Азии? Более того, идея об их сопоставимости в этих отношениях – одна из отправных точек и краеугольных камней всей концептуальной базы труда О.Ю. Артёмовой.

В настоящей рецензии, как уже отмечалось, рассмотрены подходы О.Ю. Артёмовой лишь к части детально разобранных ею фундаментальных проблем охотничье-собираательских (и в целом архаических) обществ. Например, мы не остановились на оригинальных идеях автора по поводу номенклатур родства и ее критическом взгляде на историографические и методические

аспекты темы исследования. Но и сказанного выше, по нашему убеждению, совершенно достаточно, чтобы уверенно утверждать, что труд О.Ю. Артёмовой демонстрирует высокую степень ее компетентности и профессионализма и является существенным вкладом в изучение не только непосредственно охотников, собирателей и рыболовов, но и архаических обществ в целом.

Однако в заключение нам хотелось бы обратить внимание еще на несколько моментов, не имеющих прямого отношения к комплексу представленных в труде О.Ю. Артёмовой идей, но вносящих ощутимый вклад в его превращение в значимое событие в отечественной этнологической науке. До сих пор, к сожалению, книги по народам зарубежных стран, написанные с привлечением личных полевых материалов авторов, – нечастое явление в отечественной этнологии. О.Ю. Артёмова же провела несколько полевых сезонов среди аборигенов Австралии, и монография основана в том числе на собранных ею материалах. Украшают книгу и иллюстрации – ранее не публиковавшиеся фотографии, сделанные автором, а также ее коллегами. Вообще оригинальность и независимость мышления О.Ю. Артёмовой проявились не только в ее научных идеях, но и в том, как они представлены читателю. Необычны для так называемого “научного текста” не только оформление книги, но и ее название, композиция, в том числе включение в нее библейской притчи об Исаве, ставшем для автора аллегорией и символом своеобразия эволюционного пути обществ охотников-собирателей, подбор эпитафий, язык – яркий, живой. Перед нами тот случай, когда красивая форма способствует раскрытию богатого содержания.

Литература

- Артёмова* 1991 – *Артёмова О.Ю.* Эгалитарные и неэгалитарные первобытные общества // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Т. I / Отв. ред. А.В. Коротаев, В.В. Чубаров. М., 1991. С. 44–91.
- Артёмова* 1992 – *Артёмова О.Ю.* Первобытный эгалитаризм и дифференциация статусов у охотников и собирателей // Исследования по первобытной истории / Отв. ред. А.И. Першиц. М., 1992. С. 56–82.
- Артёмова* 1993 – *Артёмова О.Ю.* Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, постстарно-политические функции. Памяти Л.Е. Куббеля / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1993. С. 40–70.
- Артёмова и др.* 1998 – *Артёмова О.Ю., Коротаев А.В.* Община // Народы и религии мира: Энциклопедия / Отв. ред. В.А. Тишков. М., 1998. С. 892–893.
- Бахта и др.* 1972 – *Бахта В.М., Сенюта Т.В.* Локальная группа, семья и узы родства в обществе аборигенов Австралии // Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческих обществах / Отв. ред. А.М. Решетов. Л., 1972. С. 68–90.
- Березницкий* 2003 – История и культура нанайцев: историко-этнографические очерки / Отв. ред. С.В. Березницкий. СПб., 2003.
- Бондаренко* 2000 – *Бондаренко Д.М.* “Гомологические ряды” социальной эволюции и альтернативы государству в мировой истории (Постановка проблемы) // Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. М., 2000. С. 198–206.
- Бондаренко* 2004 – *Бондаренко Д.М.* Социально-политическая эволюция: от равноположенности типов общины к альтернативности форм надобщинной организации // *Alaica*. Сборник научных трудов российских востоковедов, подготовленный к 70-летию юбилею профессора, доктора исторических наук Л.Б. Алаева / Отв. ред. О.Е. Непомнин. М., 2004. С. 32–53.
- Бондаренко* 2006 – *Бондаренко Д.М.* Гомоархия как принцип социально-политической организации (постановка проблемы и введение понятия) // *Гринин и др.* 2006. С. 164–183.
- Бондаренко и др.* 2002 – Цивилизационные модели политогенеза / Отв. ред. Д.М. Бондаренко, А.В. Коротаев. М., 2002.
- Бондаренко и др.* 2006 – *Бондаренко Д.М., Гринин Л.Е., Коротаев А.В.* Альтернативы социальной эволюции // *Гринин и др.* 2006. С. 15–36.
- Бромлей* 1981 – *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М., 1981.
- Булгакова* 2001 – *Булгакова Т.Д.* Шаманство в традиционной культуре: системный анализ. СПб., 2001.

- Булгакова* 2002 – *Булгакова Т.Д.* Потестарная культура народов Севера. СПб., 2002.
- Бутинов* 1968 – *Бутинов Н.А.* Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) // Проблемы истории докапиталистических обществ / Отв. ред. Л.В. Данилова. М., 1968. С. 89–155.
- Бутинов* 1979 – *Бутинов Н.А.* Американская экономическая антропология (формализм и субстантивизм) // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука / Отв. ред. Ю.В. Маретин, Б.Н. Путилов. Л., 1979. С. 68–91.
- Бутовская* 1994 – *Бутовская М.Л.* Универсальные принципы организации социальных систем у приматов включая человека. Автореф. дис. ... д.и.н. М., 1994.
- Бутовская* 2002 – *Бутовская М.Л.* Биосоциальные предпосылки социально-политической альтернативности // *Бондаренко и др.* 2002. С. 35–57.
- Володин* 2003 – *Володин А.П.* Ительмены. СПб., 2003.
- Гиренко* 2000 – *Гиренко Н.М.* К вопросу о соотношении линий семейно-родственных и общинных структур // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика / Отв. ред. В.А. Попов. СПб., 2000. С. 79–92.
- Гринин и др.* 2006 – Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Отв. ред. Л.Е. Гринин, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев. Волгоград, 2006.
- Кабо* 1968 – *Кабо В.Р.* Первобытная община охотников и собирателей // Проблемы истории докапиталистических обществ / Отв. ред. Л.В. Данилова. М., 1968. С. 223–265.
- Кабо* 1986 – *Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М., 1986.
- Кабо* 1995 – *Кабо В.Р.* Дорога в Австралию. Воспоминания. Нью-Йорк, 1995.
- Коротаев* 1997 – *Коротаев А.В.* Сабейские этюды. М., 1997.
- Коротаев* 2000 – *Коротаев А.В.* Племя как форма социально-политической организации сложных непервобытных обществ (в основном по материалам Северо-Восточного Йемена) // *Крадин и др.* 2000. С. 265–291.
- Коротаев* 2003 – *Коротаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003.
- Крадин* 2004 – *Крадин Н.Н.* Политическая антропология. 2-е изд. М., 2004.
- Крадин и др.* 1995 – Альтернативные пути к ранней государственности / Отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лынша. Владивосток, 1995.
- Крадин и др.* 2000 – Альтернативные пути к цивилизации / Отв. ред. Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. М., 2000.
- Крадин и др.* 2002 – Кочевая альтернатива социальной эволюции / Отв. ред. Н.Н. Крадин, Д.М. Бондаренко. М., 2002.
- Крашенинников* 1949 – *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.
- Крушанов* 1990 – История и культура ительменов: историко-этнографические очерки / Отв. ред. А.И. Крушанов. Л., 1990.
- Лопатин* 1922 – *Лопатин И.А.* Гольды амурские, уссурийские, сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток, 1922.
- Львова* 1984 – *Львова Э.С.* Этнография Африки. М., 1984.
- Мёрдок* 2003 – *Мёрдок Дж.П.* Социальная структура. М., 2003.
- Никишенков* 1986 – *Никишенков А.А.* Из истории английской этнографии. Критика функционализма. М., 1986.
- Никишенков* 2008 – *Никишенков А.А.* История британской социальной антропологии. СПб., 2008.
- Орлова* 1999 – *Орлова Е.П.* Ительмены: историко-этнографический очерк. СПб., 1999.
- Пирцио-Бироли* 2001 – *Пирцио-Бироли Д.* Культурная антропология Тропической Африки. М., 2001.
- Попов* 2000 – *Попов В.А.* К вопросу о структурообразующих принципах рода и родовой организации // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика. СПб., 2000. С. 17–24.
- Решетов* 2000 – *Решетов А.М.* Творческая мысль работает всегда: проблема ранних форм социальной организации в дискуссиях 1930-х годов // Ранние формы социальной организации. Генезис, функционирование, историческая динамика / Отв. ред. В.А. Попов. СПб., 2000. С. 8–16.
- Сем* 1959 – *Сем Ю.А.* Родовая организация нанайцев и ее разложение. Владивосток, 1959.
- Смоляк* 1970 – *Смоляк А.В.* Социальная организация народов Нижнего Амура // Общественный строй народов Северной Сибири (XVII – начало XX в.) / Отв. ред. И.С. Гурвич, Б.О. Долгих. М., 1970. С. 114–133.

- Токарев* 1978 – *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978.
- Шнирельман* 1993 – *Шнирельман В.А.* Рыболовы Камчатки: экономический потенциал и особенности социальных отношений // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, постстарно-политические функции. Памяти Л.Е. Куббеля / Отв. ред. В.А. Попов. М., 1993. С. 98–121.
- Bondarenko* 2006 – *Bondarenko D.M.* Homoarchy: A Principle of Culture's Organization. The 13th–19th Centuries Benin Kingdom as a Non-State Supercomplex Society. Moscow, 2006.
- Bondarenko* 2007 – *Bondarenko D.M.* Homoarchy as a Principle of Sociopolitical Organization: An Introduction // *Anthropos*. 2007. Vol. 102. № 1. P. 187–199.
- Carneiro* 1987 – *Carneiro R.L.* Cross-currents in the Theory of State Formation // *American Ethnologist*. 1987. Vol. 14. № 4. P. 756–770.
- Claessen* 2002 – *Claessen H.J.M.* Was the State Inevitable? // *Social Evolution and History*. 2002. Vol. 1. № 1. P. 101–117.
- Claessen* 2005 – *Claessen H.J.M.* Early State Intricacies // *Social Evolution and History*. 2005. Vol. 4. № 2. P. 151–158.
- Claessen et al.* 1987 – *Early State Dynamics* / Eds. H.J.M. Claessen, P. van de Velde. Leiden, 1987.
- Crumley* 2001 – *Crumley C.L.* Communication, Holism, and the Evolution of Sociopolitical Complexity // *From Leaders to Rulers* / Ed. J. Haas. New York; Boston, 2001. P. 19–33.
- Crumley* 2005 – *Crumley C.L.* Remember How to Organize: Heterarchy Across Disciplines // *Nonlinear Models for Archaeology and Anthropology* / Eds. C.S. Beekman, W.W. Baden. Aldershot, 2005. P. 35–50.
- Ehrenreich et al.* 1995 – *Heterarchy and the Analysis of Complex Societies* / Eds. R.M. Ehrenreich, C.L. Crumley, J.E. Levy. Washington, DC: American Anthropological Association Press, 1995.
- Ember et al.* 1999 – *Ember C.R., Ember M.* Cultural Anthropology. 9th ed. Upper Saddle River, 1999.
- Fried* 1975 – *Fried M.H.* The Notion of Tribe. Menlo Park, 1975.
- Lozny* 2000 – *Lozny L.* Social Complexity: Necessity or Chance? // International Conference “Hierarchy and Power in the History of Civilizations” (Moscow, June 15–18, 2000). Abstracts / Eds. D.M. Bondarenko, I.V. Sledzevski. Moscow, 2000. P. 79–80.
- Mair* 1965 – *Mair L.* An Introduction to Social Anthropology. Oxford, 1965.
- Matsumura* 1999 – *Matsumura S.* The Evolution of “Egalitarian” and “Despotic” Social Systems among Macaques // *Primates*. 1999. Vol. 43. № 2. P. 23–31.
- Murdock et al.* 1972 – *Murdock G.P., Wilson S.F.* Settlement Patterns and Community Organization: Cross-Cultural Codes 3 // *Ethnology*. 1972. Vol. 11. №: 3. P. 254–295.
- Sahlins* 1968 – *Sahlins M.D.* Tribesmen. Englewood Cliffs, 1968.
- Service* 1960 – *Service E.R.* The Law of Evolutionary Potential // *Evolution and Culture* / Eds. M.D. Sahlins, E.R. Service. Ann Arbor, 1960. P. 93–122.
- Service* 1971 – *Service E.R.* Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. 2nd ed. N.Y., 1971.
- Service* 1978 – *Service E.R.* Profiles in Ethnology. 3rd ed. N.Y. etc., 1978.
- Shnirelman* 1994 – *Shnirelman V.A.* Cerchez le Chien: Perspectives on the Economy of the Traditional Fishing-Oriented People of Kamchatka // Key Issues in Hunter-Gatherer Research / Eds. E.S. Burch, L.J. Ellanna. Oxf., 1994. P. 169–188.
- Tainter* 1990 – *Tainter J.A.* The Collapse of Complex Societies. Cambridge, 1990.
- Testart* 2000 – *Testart A.* Chasseurs-cueilleurs // *Dictionnaire de l'ethnologie et de l'anthropologie* / Éd. P. Bonte, M. Izard. P., 2000. P. 135–139.
- Townsend* 1985 – *Townsend J.B.* The Autonomous Village and the Development of Chiefdoms // *Development and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* / Eds. H.J.M. Claessen, P. van de Velde, M.E. Smith. South Hadley, 1985. P. 141–155.
- Winthrop* 1991 – *Winthrop R.H.* Dictionary of Concepts in Cultural Anthropology. Westport, 1991.
- Woodburn* 1980 – *Woodburn J.C.* Hunters and Gatherers Today and Reconstruction of the Past // *Soviet and Western Anthropology* / Ed. E. Gellner. L.: Duckworth, 1980. P. 95–117.
- Woodburn* 1982 – *Woodburn J.C.* Egalitarian Societies // *Man (N.S.)*. 1982. Vol. 17. № 4. P. 431–451.
- Yoffee* 1993 – *Yoffee N.* Too Many Chiefs? (Or, Safe Texts for the '90s) // *Archaeological Theory: Who Sets the Agenda?* / Eds. N. Yoffee, A. Sherratt. Cambridge, 1993. P. 60–78.